

А. В. Головнёв

ЧУКОТСКИЙ ДНЕВНИК: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДВИЖЕНИИ*

УДК 39(571.651)

ББК 63.521(=753.1)

По чукотской традиции, мужчина согревается не огнем очага, а собственным движением. Он восстанавливает силы мгновенным расслаблением-сном. Искусство чередовать напряжение и расслабление, быстрое действие и быстрый сон в ритмах и аритмии кочевой жизни представляется одной из замечательных технологий арктического номадизма. Чукотский пеший ход и бег как повседневная практика и вид состязаний определяют мобильность оленеводов. Чукотские «оленьи ритмы» соотносятся со сложной стратегией движения, исходящей от кочевых лидеров. Полевые наблюдения автора открывают особенности мобильности чукчей-олeneводов.

Ключевые слова: *Чукчи, Арктика, мобильность, кочевье, номадизм, движение, бег*

Чукотка всегда была труднодоступна, и чукчи последними из народов Севера пережили «эпоху раннего железа» и колонизации, а в постсоветское время, когда по всей России катился капитализм, здесь устоял «лагерь социализма». Летом 1998 г., во время моей первой поездки к чукчам-олeneводам, из Мыса Шмидта бежала дюжина арестантов и дезертиров, убив нескольких милиционеров и захватив в воинской части оружие и вездеход. Но дальше бежать было некуда — по суше дороги «на материк» не было, а угнать самолет или корабль они не решились. Бандиты двинулись в сторону Певека, планируя (по слухам) уйти через горные перевалы на Колымскую трассу.

В последний день июля в 6-ю оленеводческую бригаду, где я в то время жил, по рации сообщили, что вооруженная банда может пройти через наше стойбище на р. Рапылькатын. Большинство пастухов бригады пасли оленей на «летовке» в отдалении от стойбища, а в пяти ярангах оставалось лишь трое мужчин, несколько женщин, стариков и детей. В яранге деда Наталько собрался «военный совет», где было решено дать бандитам вооруженный отпор. Добра от встречи с ними никто не ждал — старики вспоминали, как несколько лет назад такие же беглые зеки добрались

до стойбища чукчей на Гэсмыткуне и вырезали его поголовно. Меня, непонятно за какие заслуги, выбрали командиром обороны, и дед Наталько вручил мне тяжелое старинное копье (из другого оружия нашлись два карабина и ржавая ракетница). Около недели мы спали по очереди и урывками, получая по рации тревожные вести то о стрельбе на перевале Туманном, то о поимке бандитов, то об их приближении. Я расставил дозоры с собаками на окрестных сопках, собрал жителей стойбища из пяти яранг в три (оставив две стоять пустыми для дезориентации бандитов) и проводил учения по отходу женщин и детей буераками в укромные места. Мы надеялись на подход наших пастухов со стадом, но они задерживались из-за тумана. Этот туман нас и спас, хотя, по другой версии, спасительной оказалась водка, которой разжились бандиты в ограбленном по пути магазине — пьяный водитель разбил вездеход, пытаясь загнать его в укрытие, и банда застряла на заброшенном прииске Полярный (в 90 км от Мыса Шмидта), где ее расстрелял вертолетный армейский десант.

Эта «война» сдвинула календарь, в том числе «праздник молодого оленя» (*эйнеткун*), которого я ждал уже месяц. Когда после трехдневного пышного ритуала я засобирался в обратный путь, уже рискуя пропустить все мыслимые сроки возвращения, мне не оставалось ничего, кроме пешего 70-километрового перехода через перевалы к ближайшему прииску. Предполагая нелегкий маршрут, я за неделю начал тренировки по быстрому ходу в горах. Старик Наталько подсмеивался надо мной и советовал: «Когда силы кончатся, найди и съешь мухомор — не заметишь, как

Головнёв Андрей Владимирович — чл.-корр. РАН, г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН, зав. кафедрой археологии и этнологии УрФУ (г. Екатеринбург)
E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

* Исследование выполнено по гранту РФФИ № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. А. В. Головнёв)

добежишь». Он вспоминал, как однажды его знакомый проглотил мухомор и издалека донес до стойбища убитого дикого оленя весом около центнера.

Раздарив чукчам лишние вещи, я двинулся в путь с двумя рюкзаками, двумя видеокамерами и штативом. Меня провожал Валерий Тынеильгин, взваливший на себя второй рюкзак. Это был один из самых сложных в моей жизни переходов, длившийся двое суток. Когда уже замаячил силуэт прииска, ноги в сапогах сковало болью — казалось, ступни отделились от костей, свободно хлябали и горели так, что на привалах я опускал их в холодные ручьи. На прииске старатели поручили меня врачу (по совместительству он был и поваром), который совершил невозможное — стянул с меня сапоги, а затем в течение двух дней растирал ступни какими-то украинскими снадобьями (на прииске трудились одни украинцы). Эти сапоги (а также куртку, теплые штаны и что-то еще) я подарил Тынеильгину. Уходя, он смеялся, что на стойбище подумают, будто он не довел меня до прииска, а на полпути «прикончил и раздел».

Старатели отправили меня в Мыс Шмидта на грузовике с золотом — я впервые ехал на куче золота, лежа в кузове поверх брезента и представляя, как Тынеильгин с моими дарами на плече идет обратно к своей яранге. Я всегда считал себя сильным ходоком и тундр прошел немало, но на чукотских перевалах с их острыми скользкими камнями обезножил, а мой проводник сохранил легкость и, как мне казалось, уставал вместе со мной только из соболезнования.

Чукотский бег

На Ямале тундра болотистая и мягкая, а на Чукотке каменистая и «острая» — рвет любые полозья и колеса. Поэтому чукчи полагаются больше на собственные ноги, в отличие от ненцев, которые предпочитают всегда и везде ездить на оленях. Если чукчи и запрягают оленей, то лишь по паре и зимой; их нарты меньше и тоньше ненецких, зато их легко чинить и тащить вручную по камням. Однажды чукотский пастух, держа в одной руке свою нарту, спросил меня: «А правда, что ненцы вдвоем поднимают нарту?».

Чукотские предания учат: «У чаучу [оленевода] самое главное — ноги. Если чаучу бежит быстрее любого оленя, он оленей сбережет. Если чаучу бежит дольше любого оленя, то он

оленей сбережет. Если чаучу бежит быстрее и дольше других людей, то ему не страшны враги, и он всегда разыщет пастбища, на которых его оленям никто не помешает».¹

Чукчам вторят внешние наблюдатели. Более века назад В. Г. Богораз отмечал: «Чукчи отличаются не столько быстротой бега, сколько выносливостью, особенно оленные. Они могут бежать несколько миль по глубокому снегу, даже в тяжелой меховой одежде. Но и быстрота чукотского бега также заслуживает немало удивления. Можно встретить чукотских пастухов, которые в состоянии настичь самца оленя, бегущего вскачь... Молодые женщины и девушки у чукоч устраивают свои женские состязания в беге и при этом проявляют страстность не меньшую, чем мужчины».² От ссыльного народовольца-народоведа не отстают штабс-капитан Н. Ф. Калинин: «Чукчи, особенно оленные, замечательные ходоки. Это прямо какие-то стальные люди в преодолении усталости, голода, бессонницы».³

Я в полной мере разделал это впечатление, когда на моих глазах старик-оленевода, только что задумчиво разглядывавший стадо, опираясь на посох, вдруг молодецки понесся за оленями, заворачивая их в нужном направлении. Впрочем, подобные наблюдения накапливались с первого дня, когда я отправился ловить хариусов с дедом Наталько. Время от времени он доставал бинокль (вернее «монокль» — полбинокля) и всматривался в далекий распадок, откуда должна была прийти его жена Рахтына (у нее была вторая половина бинокля). Вскоре она появилась в сопровождении сына Володи, яранга которого располагалась за перевалом примерно в 30 км от нашего стойбища. Володя пояснил, что «с бабкой» он идет уже восемь часов (попутно поймал гольца), а обычно проходит это расстояние за шесть часов. Старухе Рахтыной уже за семьдесят, но она, опираясь на посох, бодро миновала речные стремнины после восьмичасового перехода. Примечательно, что для нее и окружающих этот поход был обычной прогулкой.

На «чаевке» (так чукчи называют чаепитие у костра) к нам присоединился еще один

¹ Лебедев В. В., Симченко Ю. Б. Ачайваймская весна. М., 1983. С. 25.

² Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М., 1991. С. 198.

³ Калинин Н. Ф. Наш край Северо-Восток (Прил. к 34-му вып. записок гидрографии). СПб., 1912. С. 168.

пастух — Олег Тынаэльго. Он уже сутки шаггал с летовки, из стада, с намерением повидать жену Наташу после двухнедельной разлуки. Узнав, что ее с сердечным приступом увезли на вертолете в Мыс Шмидта, он не скрывал горечи и досады. Олег выглядел тяжело одетым — в ватные штаны, теплую куртку, с рюкзаком, кривой палкой-выбивалкой (*тивийһын*) и посохом (*кэһунеһ*). Палкой он выколачивает из кухлянки и торбазов влагу, а посохом удлиняет шаг (чукчи и на соревнованиях бегают с посохом).

Вместе мы вернулись с рыбалки в яранги. Тынеильгин выставил для встречи едва забродившую брагу. Канистру скоро осушили, и Олег пустился в воспоминания об охоте на росомах. Он ловил их без ружья, загоняя в расщелины с помощью собак, а затем выгоняя в установленные петли. Слушая его байки, я удивлялся выносливости пастуха, который перед уходом с летовки сутки дежурил в стаде, затем сутки шел, но, добравшись до яранги, не упал в изнеможении на теплые шкуры, а до ночи тешил нас охотничьими историями. «Крепкие ребята», — пометил я в полевом дневнике.

Культ бега и хода выражен у чукчей в фольклоре, повседневности и даже именах. Едва ли не треть встретившихся мне мужских имен (у чукчей, помимо русских, есть свои имена) так или иначе связаны с движением: Тынарагэтытагын (Возвращающийся на рассвете), Тыңарале (Скатывающийся), Сайвыгыргын (Ходящий), Тыңэсейвын (По звезде ходящий), Тымнесайвын (Просто идущий), Наталько (В тундре вставший). В женских именах тоже ощутимо движение, но с «домашним» оттенком: Рахтына (Домой идущая), Нутеңэут (Земляная).

Бег — центральное событие зимнего праздника *ульвэв* в полнолуние декабря-января: забег начинается утром, а заканчивается вечером; участники по солнцу оббегают гору, получая в награду шкуру моржа, нерпичий жир, оленя или нарту. В чукотских сказаниях описываются не только состязания бегунов, но и их тренировки. Например, мальчик, желавший стать богатырем, «целый день бегал по тундре, носил тяжести, приходил домой поздно ночью и спал стоя — опершись о полог».⁴ Тынеильгин поведал мне подобную чукотскую сказку «В соломенной одежде».

Давным-давно жили муж и жена. У них родился сын. Шкур было мало, и мать шила сыну одежду из соломы. Так они и жили: сын, мать и отец. Жила семья на стойбище в последней яранге. Отец пас оленей, мать работала по дому. Мать относилась к сыну утром к двери, и он там проводил день. Дети бегали снаружи, а он на них смотрел. Дети смеялись над ним.

Стал он юношей. Однажды пришло известие, что на дальнем стойбище девушка выбирает себе мужа, и среди быстро бегающих парней будет соревнование. Из последней яранги тоже стали собираться. Отец говорит: «Зачем мы туда собираемся?» Мать настояла и повезла сына на нарте.

Приехали на дальнее стойбище, там много народу. Люди готовятся к соревнованию — бегу за девушку. Она увидела парня в соломенной одежде и, рассмеявшись, толкнула его: «Наверное, ты не сможешь».

Все собравшиеся побежали, и девушка побежала. Соломенный парень рассердился и тоже побежал. Он всех обогнал, первым прибежал. Никто не мог его догнать, все отстали, в том числе девушка. Когда она прибежала, села рядом с ним.

Оказывается, мать по ночам тренировала его с младенчества. Ночью тренировала, а днем выносила к двери. К состязаниям он стал сильным. А когда над ним засмеялись, он стал еще сильнее.

В рассказе нет описания и даже упоминания свадьбы — главное в нем не женитьба, а победа бегуна. Отсутствие комментариев убеждает в том, что для чукчей успех в беге означает превосходство (девушка покорно садится рядом с победителем). Подобный «аргумент бега» присутствует и в рассказе об Ахалькуте, который тренировался бегать на лапках-снегоступах, с копьём и привязанными к ногам камнями, а затем одолел силача с севера, бегом угнав его оленей.⁵ Превосходство бегуна над оленьей упряжкой отражено в предании чаунских чукчей «Тымэрэч», где состязание за девушку проходит в смешанной гонке бегунов и оленьих упряжек:

Начались гонки и бега парней, все вместе. Когда многие отъехали и отбежали пешие, Тымэрэч тоже побежал, часто падая, над ним смеялись люди, особенно молодые женщины. Девушка-приз ни на кого не смотрела, молчала, серьезная не по возрасту. Тымэрэч, когда добежал до пригорка, быстро снял старую верхнюю одежду, мягким снегом смыл грязь со своего лица и быстро побежал, прыгая с помощью длинной палки, благо снег был мягким и неглубоким. Быстро догнал участников гонок. Тех, кто смеялся над ним, он обгонял с левой стороны,

⁴ Бабошина О. Е. Сказки Чукотки. М., 1958. С. 213.

⁵ Лебедев В. В., Симченко Ю. Б. Указ. соч. С. 25–31.

отчего ездовые олени кружились в правую сторону, а кто скромно вел себя, пробегал с правой стороны и подбадривал: «Догоняй!». Он всех догнал и перегнал. От всех отбежал. Самым первым прибежал (Запись К. У. Геутваль, рукописный фонд музея с. Рыткучи Чукотского АО).

Рассказ Тынеильгина о соломенном мальчике накануне нашего похода на прииск послужил напутствием — чукотский фольклор обычно применяется к делу. Когда в конце нашего мучительного маршрута я заметно устал, Тынеильгин вдохновил меня еще одной чукотской байкой о быстроногом пастухе:

Стадо оленей три часа ходит, потом час лежит. За этот час настоящий пастух успевает сбегать на стойбище, полюбить девушку и вернуться к своим оленям в тот момент, когда они только встают. При этом он предпочитает не свое стойбище, что поближе, а чужое, что подальше.

По другой версии, рассказанной Антылиным, быстроногий оленевод после дневной смены ложится спать в своей яранге, делает вид, будто уснул, дожидается, когда захрапит отец, затем выбирается из яранги, бежит по ночной тундре в соседнее стойбище, расположенное километров за двадцать. Там он проводит остаток ночи со своей возлюбленной и бегом возвращается назад. Отец пробуждается, а сын-пастух уже на ногах — собирается в стадо на очередное дежурство.

Ранней осенью 2014 г., когда состоялась моя четвертая поездка к чукчам,⁶ сын Антылина, молодой бригадир 3-й бригады Чаунской тундры Иван, для поиска и сбора оленей использовал квадроцикл, хотя в случае его поломки мог прошагать километров 30–40 до яранг и назад в стадо. Антылин недоволен нынешней молодежью:

Раньше народ не курил, не пил. Бегали так, что догоняли оленей. Без собак, с палками. Когда я маленький был, собак не было. Одна собака была у отца. Вездеходов не было. Каждая бригада круглый год пасла стадо пешком... Сейчас воспитание в школе — сигареты, выпивка. Тут и от двадцати собак толку не будет.

И все же искусство ходьбы и бега чукчи берегли. Участница нашей экспедиции Светлана Белоруссова записала любопытные чукотские истории:

Однажды я решил взять кредит в Сбербанке, а там всего написано на 10 страниц, я сказал: «Можно я пробегу 20 километров, чем все это буду читать?» Кредит я так и не взял.

В тундре есть глухонемая, она тоже оленевод. Однажды ей нужно было вернуться в Певек, за 40 километров. Было очень холодно, транспорта не было, она пошла пешком. С собой у нее были три конфеты. Через пару дней она пришла, чуть-чуть заморозила ноги, но ничего страшного не произошло.

Участник нашей экспедиции Александр Патрушев записал в дневнике впечатление от своего первого опыта замера чукотского движения:

Чукчи ходят быстро. У них особый тундровый шаг. Они одинаково быстро идут по дороге, по болоту, через кустарник. Мне, городскому человеку, привыкшему к другому шагу, в таком темпе комфортно идти максимум час. Потом я начинаю уставать. А чукча таким шагом умудряется преодолевать необходимые расстояния, и отдыхать, и следить за стадом... За это время я успел возненавидеть кочки и проклясть их навеки веков. По ним идти очень трудно, особенно если пытаться одновременно угнаться за чукчами. Они советовали ступать между кочками — так ускоряется шаг. Но из-за этого приходится постоянно смотреть под ноги. В конце концов, на очередном болоте я запнулся и свалился в воду. Фотоаппарат намок. Больше он не включался.

Олени ритмы

Чукотский год состоит из двух «лет» — зимы и лета, а весенний и осенний рубежи между ними отмечены праздниками *ульвэв* («новый год»), приходящимися примерно на зимнее и летнее солнцестояния. Декабрьский *ульвэв* перед «долгой остановкой» включает, помимо соревнований в гонках на упряжках, беге, прыжках и борьбе, заготовку мяса на зиму — чукчи предпочитают жирную осеннюю оленину тощей весенней. Июньский *ульвэв* обозначает «долгую стоянку» на летнем стойбище и также сопровождается заготовкой оленины на весь период летовки, когда стадо в сопровождении пастухов удаляется от летних «тяжелых яранг». Помимо календарной оси солнцестояния, чукотское восприятие времени ориентировано на ключевые периоды размножения стада — осенний гон и весенний отел. Некоторые оленеводы Северной Чукотки отмечают два праздника *кильвей*, завершающие отел и гон: весенний *реквыт кильвей* означает «праздник важеньки» или «угощение важеньки»; осенний *чымна кильвей* — «праздник оленя-самца» или «угощение быка»; оба выражают благодарение самкам и самцам за, соответственно, рождение и зачатие телят.

⁶ Состав Чукотского отряда ЭтноЭкспедиции, работавшего в Чаунской тундре в августе-сентябре 2014 г.: А. В. Головин, С. Ю. Белоруссова, Д. А. Куканов, А. В. Патрушев.

«Оленье мышление» передано в названиях ряда месяцев чукотского календаря: *гройыльгын* (отела месяц, апрель), *нетгыльгын* (кожа с рогов слезает, август), *эйнейгыльгын* (гон-месяц, сентябрь), *чачал-йильгын* (ворсинки на мордочке оленят в утробе, февраль), *льоргықа-йильгын* (голова в шерсти у оленят в утробе, март). Последние два названия показывают, что в «предотельные» месяцы утробное состояние оленят занимает оленеводов больше, чем другие заботы. Разделив накануне отела стадо на три части (быков, важенок и тягловых), оленеводы особенно внимательны к маточному стаду; они следят за его передвижениями («у важенок плод двигается, и они быстро двигаются»), расставляют чучела для отпугивания волков, гонят от него ворон («эти уже представляют, как будут клевать глаза телятам»).

Людам дают «оленьи» имена: Кавы (Узнающий оленей), Венкайнан (Спокойный олень), Эленнут (Оленья кишка). Тундровики часто используют оленьи образы: например, обычай сбора мусора в одном месте В. Н. Тевлянто объясняет тем, что пепел в очаге — тоже стадо (тем более что в нем сжигают оленьи кости), и поэтому его следует, собрав, высыпать в одном месте. А. Ф. Антылин по-оленьи характеризует людей: «грибоед» — любитель грибов (удовольствий), забывающий ради них обо всем; «мочеед» — любитель человеческой мочи, легко дающий себя обуздать и запрячь (определение для «прикормленных» оленей и людей).

Трехдневный августовский обряд *эйнеткун* — «праздник молодого оленя» — посвящен единению людей и оленей. Он наполнен их диалогами, включая «приход» оленей в яранги (окропление забитых оленей водой, привязывание оленьего копыта к центральному шесту яранги), игру на бубнах как обращение к стаду (важенкам), сосание важенок, лишившихся оленят и др. Этот календарный (на первый взгляд) праздник на самом деле — событийный. В 2014 г. в 3-м стаде Чаунской тундры «августовский» праздник начался лишь 4 сентября из-за того, что пастухи в тумане потеряли часть стада и две недели искали оторвавшиеся «куски», стогая их в общее стадо. В этом смысле обряд *эйнеткун* — день победы оленеводов, собравших оленей и пригнавших их к ярангам.

Летом пастухи не досаждают оленям своей опекой и просто следуют за стадом. На вопрос «Куда дальше пойдете?» отвечают: «Куда оле-

ни пойдут». Если возникает нужда выбрать направление (обычно после отела), прибегают к гаданию на оленьей лопатке (*парыльыңын*). В первой яранге (*ермесит*), где живет бригадир, лопатку очищают от мяса, обращают на восток и кладут на нее уголек или прожигают горячей палкой. По рисунку трещин определяют, «куда лучше идти, где люди болеть не будут, где олени болеть не будут». Куда ведет трещина, туда гонят оленей (летом 1998 г. лопатка указала на пастбища Кувета).

Гадание, как и вся чукотская магия, настраивает диалог людей и оленей. По чукотской традиции, беды приходят из-за неуверенности и промахов самого человека, о чем ему криками и плачем сообщают домашние духи *тайныкут*. Они же, во главе с их «пастухом» *мильгэт* (из него трением добывают новый огонь на празднике *эйнеткун*), хранят благополучие стада; по преданию, с ними связано и появление у людей оленей:

Раньше люди сами таскали свои нарты. Однажды они принесли жертву *тайныкут*. Вскоре родились два олененка. Их хозяин кормил ягелем, обмакнутым в нерпичий жир. Возил их на нарте, которую тащил сам. Окрепши телята, стали впереди него бежать. Потом стали олени ездить по земле. Так выросло богатство — потому что люди принесли жертву духам тайныкут, которые берегут оленей (М. Тымнычайвына, 1998 г.).

К своему рассказу Майя Тымнычайвына добавила: «В Чаунской тундре есть два брата — Вуквукай и Антылин. У них стада по пять тысяч оленей. Это потому, что они соблюдают обряды». В то время эти имена ничего мне не говорили, и я просто записал их в дневник. Пятнадцать лет спустя я встретил этих легендарных оленеводов. В 2014 г. братья были по-прежнему крепки, хотя Вуквукаю перевалило за 80, а Антылину за 70. Из 12 оленеводческих бригад Чаунской тундры уцелели лишь три, в том числе 9-я Вуквукая (12 тыс. оленей) и 3-я Антылина (6 тыс. оленей). Формально оба числятся «наставниками», передав бригадирство сыновьям, но на самом деле по-прежнему на них держится все чаунское оленеводство.

У старшего, Вуквукая, на стойбище царят традиции и исполняются старые обряды, тогда как у младшего, Антылина, священные *тайныкут* остались лишь в одной яранге. Антылин первым в Чаунской тундре сел на «Буран», приобрел компьютер и освоил квадроцикл. Вуквукай опирается на старину, Антылин смело принимает новизну; на стойбище Вуквукая

говорят по-чукотски, на стойбище Антылина — по-русски. Он на свой страх и риск смешивает чукотские устои и новые технологии.

Двигатель по имени Антылин

В конце августа 1989 г. Антылин дежурил в стаде с напарником. Дул «южак» (сильный южный ветер), и стадо паслось спокойно. Антылин отослал напарника с собакой в яранги и остался один. Он находился среди скал, когда услышал позади себя гулкое рычание. По словам Антылина, медведь швырнул его, «как евражку» (чукотский суслик). Выхватив нож, он пырнул медведя быстро и сильно, «аж нож согнулся».

У меня уже рука повисла. Подсел я под него, еще раз пырнул и выстрелил [из карабина]. Не знаю, куда попал, только кровь у него носом и горлом пошла. И он ушел в обрыв сопки и скрылся. Он, наверное, умер, я его уничтожил. А я вообще ничего не понимал, он голову мне прокусил. Сейчас даже эту боль чувствую. Хорошо, что напарник мой недалеко ушел, всего с километр. Он увидел, как от меня уходил, качаясь, медведь. Он в яранги побежал и меня спасли. Всего у меня нашли двадцать шесть ран на спине, руках и ногах. Врач тогда мне сказал, что через три года я не буду двигаться (Антылин, сентябрь 2014 г.).

Вопреки мрачному предсказанию Дед (так Антылина зовут на стойбище) сохранил способность двигаться настолько, что не всем удобна его энергия. Уважение к нему граничит с раздражением, и даже соседская собака при приближении Антылина ворчит. С годами Дед походкой стал походить на медведя; по его собственным наблюдениям, на левом плече, укушенном медведем, в августе появляются два длинных волоса, которые зимой отрастают, а весной исчезают.

Антылин постоянно что-то преодолевает. Особенно сильными раздражителями для него выступают «дикари» (расплодившиеся дикие олени), торговцы спиртом (они же браконьеры) и недавно назначенный директор Чаунского сельхозпредприятия. К дикарям Антылин относится двойственно: с одной стороны, он ценит «метисов» (потомство диких и домашних оленей) за силу, красоту и умение вести стадо по хорошим пастбищам; поэтому он не гонит из домашнего стада приблудившегося самца-дикаря: «Пусть гуляет, хороших оленей наплодит нам». В этом отношении Антылин придерживается старой чукотской традиции, подмеченной еще В. Г. Богоразом:

Пастухи особыми чарами и заклинаниями стараются приманить и удержать возможно дольше дикого оленя в своем стаде, но это бывает только до момента скрещивания, а затем пастух прилагает все меры к тому, чтобы как можно скорее убить дикого оленя, так как уход его истолковывается как отнятие благословения. Потомство от скрещивания дикого оленя с домашним расценивается чукчами весьма высоко, они прослеживают его до третьего и четвертого поколения. Олени такой породы употребляются для упряжи, и они особенно хороши на бегу... (Потомство от дикой самки и домашнего самца расценивается выше всех). Чукчи утверждают, что первое поколение от скрещивания с диким оленем является лучшим и более способным к выучке, чем второе, в котором пробуждается врожденная дикость... Лучшим оленем-манщиком считается помесь домашнего оленя с диким.⁷

С другой стороны, дикари разбивают домашние стада на части и уводят их за собой. Особенно часто это происходит осенью, во время гона. В 2008 г. дикари увели все стадо 1-й бригады, а оставшиеся не у дел оленеводы перешли в другие бригады или осели в поселке Рыгкучи, где, по словам местных жителей, до сих пор не приспособились к оседлой жизни и постоянно пьют.

Дикарь отличается от домашнего оленя статью, однородно-светлой окраской и легким стремительным бегом; он высокий и длинноногий, с большими рогами и растопыренными ушами («слушает, когда пасется»), с белым подхвостьем и отвислой, как у лося, нижней губой. Домашние олени охотно поддаются воле красавцев-дикарей, теряя привычную стадность, разбиваясь на «куски» и уклоняясь от подчинения пастухам.

Когда приходит пора августовского сбора стада, дикари для Антылина — не олени, а враги: «Это олени, а это дикари; дикаря надо убить, чтобы он не путал стадо»; «дикий должен быть диким, а олени должны быть в стаде». По его наблюдениям, в последнее время люди ослабли, а дикари окрепли: «Хозяева вымерли, расплодились дикари». Прислышав об «импортозамещении», он предложил организовать специальную бригаду по отстрелу дикарей, завезти холодильники и контейнеры для хранения и транспортировки оленины: «Сейчас, говорят, чукотское мясо нужно государству, потому что из заграницы товары запретили».

⁷ Богораз В. Г. Указ. соч. С. 10, 11, 73.

Среди людей главными своими врагами Антылин считает «спиртоторговцев», которые уже отняли у него близких: «старшего сына убили», «племянника спиртом кончили», а теперь «до Ивана [младшего сына] добираются». Торговцы спиртом «всех шелагских чукчей извели», «кончили все стада, людей кончили». Антылин недолюбливает праздники, опасается гостей из поселка и поездок в поселок. По его мнению, пороки оседлой жизни губят молодежь, отнимают у чукчей будущее. «Мы — последние оленеводы», — с горечью говорит Антылин о себе и брате Вуквукае.

Антылин готов с оружием в руках защищать свое стойбище и стадо от торговцев спиртом, как это случилось в сентябре 2013 г. на Мильгевее, когда в стадо 3-й бригады пожаловали «охотники на домашних оленей».

Сорок литров спирта у них было. Они заехали в стадо, там палатка пастухов стояла. Напили всех, люди валяются. Они мне говорят: «Мы еще дадим, давай еще стрелять [оленей]». Двух важенок они уже застрелили. Я спрашиваю: «Зачем вы пьяные пришли ко мне?» Один говорит: «Я тебя изрежу, уйди отсюда». Я им говорю: «Убирайтесь отсюда». Они стали меня по голове бить камнями. Хорошо, что кашпошон был, защитил голову. Они пытались вырвать у меня карабин, достали из него магазин, а у меня второй был. Они меня обозлили тем, что по голове били. Я им два колеса прострелил и уехал. По спутнику [спутниковому телефону] сообщил, что там машина стоит с мясом, чтобы их поймали с поличным. А меня потом целый год таскали, допрашивали, оружие отняли.

Правоохранительные органы изъяли у Антылина охотничий карабин «Сайга», из которого он стрелял по колесам, и инкриминировали ему «умышленное повреждение имущества... общепасным способом». Полтора года длилось следствие, при этом многие соплеменники Деда не разделяли его упорства в борьбе с «мафией». Лишь в апреле 2015 г. Антылину сообщили, что возвращают «Сайгу» и, как будто, закрывают дело.

Особый раздражитель для Антылина — директор сельхозпредприятия «Чаунское», ладящий с районным начальством, но не с чукчами-оленеводами. Антылин осознает, что директор не получил бы этого назначения, если бы не служил корпорации, использующей ресурсы Чукотки (в том числе коренных жителей и оленей) в своих интересах. Эта корпорация настроена на извлечение не долговременной выгоды, а быстрой наживы, и потому заботится не о взаимодействии с оленеводами,

а об удержании власти в районе, монополии на прибыльные отрасли, в том числе туризм и оленеводство. Для усиления этого контроля база сельхозпредприятия была перенесена из национального села Рыткучи в город Певек — с ущербом для производства и с угрозой уничтожения национального села. Этот административный стиль «оленеводства», по мнению Антылина, напоминает мародерство.

Когда в прошлом году собирались делать кораль, директор уехал туристов возить. Исчез, и мы стадо не отбили, перегон [оленей на забой в Рыткучи] не сделали. Вернулся — молчит, потом спросил: перегон почему не сделали? В конце ноября приехал еще раз кораль проводить. А уже снег большой, лед застыл. В мороз нельзя в кораль оленей загонять. Техника не ходит, и солярки нет (он горючего не привез). Вуквукай ему говорит: «Нельзя так делать, олени будут тощие, как щепки, после такого перегона». Техника застревает, люди все переругались. Он не разбирается в деле, хочет заработать, развалить и уехать. Раньше за такое директора могли вздернуть.

Антылин, Вуквукай и другие старейшины тундры вступили в открытый конфликт с директором, требуя его увольнения. Оленеводов поддерживают жители с. Рыткучи, подписавшие совместное обращение к окружной администрации. В ответ чиновничья корпорация ошестинилась контрмерами разобщения и запугивания. Весной 2015 г. противостояние достигло критической точки: когда я в начале апреля последний раз видел Антылина, он собирался оставить свое стадо (в период отела!) на попечение неопытных помощников и ехать на встречу с окружной комиссией.

Впрочем, к экстриму Антылину не привыкать, и помехи только будоражат его. Он убежден в своей правоте и своем превосходстве как мастер оленеводства. Ему не раз приходилось начинать почти с нуля и умножать стадо. Двадцать лет назад Антылина уговорили оставить успешную 3-ю бригаду с 6 тыс. оленей и возглавить развалившуюся 1-ю бригаду. За пять лет (1999–2004) он сумел нарастить стадо с 800 до 5 000 голов. Тем временем стадо 3-й бригады почти растаяло, и по настоянию старшего брата Вуквукай он вернулся и восстановил 3-е стадо.

Быстрое действие и быстрый сон

Каждая моя поездка на Чукотку сопровождается впечатлением, будто я угодил в пик напряжения и какого-нибудь кризиса. Однако в следующей поездке выясняется, что апрель —

не менее напряженное время, чем сентябрь или июль. На самом деле «катастрофа» — повседневность Чукотки с ее ритмом пиковых состояний и загадочных пауз. Более того, в умении чередовать эти состояния кроется секрет стойкости ее культуры.

Пастухи, описывая свои действия, замечают: «Наше дело — тихонько идти за оленями, они сами движутся в нужном направлении». Так же настроены женщины относительно своих хлопот по поддержанию огня (печка-буржуйка подтапливается около 20 раз в день), приготовлению пищи, мытью посуды, пошиву одежды. Впрочем, эти «тихие» движения в условиях морозов и метелей кажутся привычными и рутинными только чукчам — у стороннего гостя они могут вызвать оторопь или восхищение.

Этот ритм не исключает аритмии и рывков. Для женщин усилием оказывается разделка туш оленей на морозе в течение целого дня или разбор-перевоз-сбор яранги при перекочевке. Для мужчин это загон и лов оленей, а также поиск и сбор стада. В этих ситуациях особенно важна роль лидера стойбища, который подгоняет других подобно тому, как каюр подгоняет бегущих в упряжке оленей.

В ходе загона и лова оленей Антылин постоянно поторапливает молодежь: «Где ловцы?! Давай, лови, время же идет!». Во время осеннего сбора оленей он не дает толком ни попить чаю, ни поесть, ни отдохнуть, ни замерзнуть: короткие «чаевки» проходят под аккомпанемент его суждений о медлительности молодежи, изменчивом ветре, нахальных дикарях и других угрозах, из которых складывается нечто вроде заклинания «туман придет, олени уйдут».

Поиск и сбор отколовшихся «кусков» стада в конце лета представляет собой сложную композицию действий поисковой команды вездехода и пастухов, из которых одни (пастухи-держатели) окарауливают основное стадо, направляя его в сторону яранг, а другие (пастухи-искатели) ищут и подгоняют в нужном направлении отколовшиеся «куски» (по несколько десятков или сотен оленей). Задача затрудняется тем, что основное стадо не стоит, а движется, и может в любой момент расколоться из-за тумана, нападения волков или медведей, неумелого окарауливания, ухода части оленей за реку, увлечения оленей грибами и т. д. Сбор и подгон «кусков» представляет собой многоходовую комбинацию, в которой заметную роль играют «дикари», водящие эти сколки стада.

Антылин на вездеходе очерчивает дугу, охватывающую долину речки с расходящимися от нее горными «карманами» и склонами соседних перевалов. Цель маневра состоит в том, чтобы собрать бродящие по склонам и карманам «куски» в один поток и направить его к основному стаду, пасущемуся у р. Элькаквун. При этом куски нужно подтолкнуть с разных сторон так, чтобы на обратном пути вездеход собрал их одним ходом. Местонахождение некоторых «кусков» уже известно благодаря разведке, проведенной сыном Антылина Иваном и пастухом Витюхой. Иван и Витюха — два персонажа из разных эпох: Иван на квадроцикле обнаружил два куска, Витюха пешком собрал из трех кусков один и держит его. Он уже две недели ходит пешком, как в старину, с посохом и вязанкой хвороста, в сопровождении серого пса. Ночует под открытым небом, заворачиваясь в плащ, а когда хочет есть, снимает с серого привешенную ему на шею рогатку. Пес немедленно давит оленя, снабжая Витюху и себя пищей. Так они кормятся у «куска» и стерегут его. По словам Антылина, «Витюха никогда не считает денег, а считает только оленей» (чукчи отмеряют оленей условными десятками и сотнями).

Вездеходная команда, включающая пару пастухов с собаками, тоже ищет куски и направляет их в одно «русло». При лобовом вспугивании олени бегут либо против ветра, либо туда, откуда только что пришли. Подгоняют их свистом и взмахами. Направить их в ином направлении можно обходным маневром вездехода или пуском пастуха с собакой.

В обиходе чукчей недавно появилось выражение «засобачить».⁸ Например, при виде «куска» по ходу вездехода звучит команда: «Соскочи и засобачь». Один из пастухов сбрасывает с вездехода собаку, вслед прыгает сам, бежит и командует собаке повернуть оленей в нужном направлении («засобачить» можно слева или справа). Раньше собак-олене-гонок у чукчей не было, они появились лишь в советское время, но сейчас собака, умеющая гонять оленей, — неременный персонаж оленеводства.

Наиболее сложны для загона «куски», ведомые дикарями. На них нельзя пускать собак, потому что от испуга дикари уводят кусок

⁸ В русском языке чукчей немало подобных неологизмов, например: оводить — пасти стадо во время овода, кровачить — расправлять постели в яранге, пурговать — пережидать пургу, кострить — поддерживать огонь в очаге.

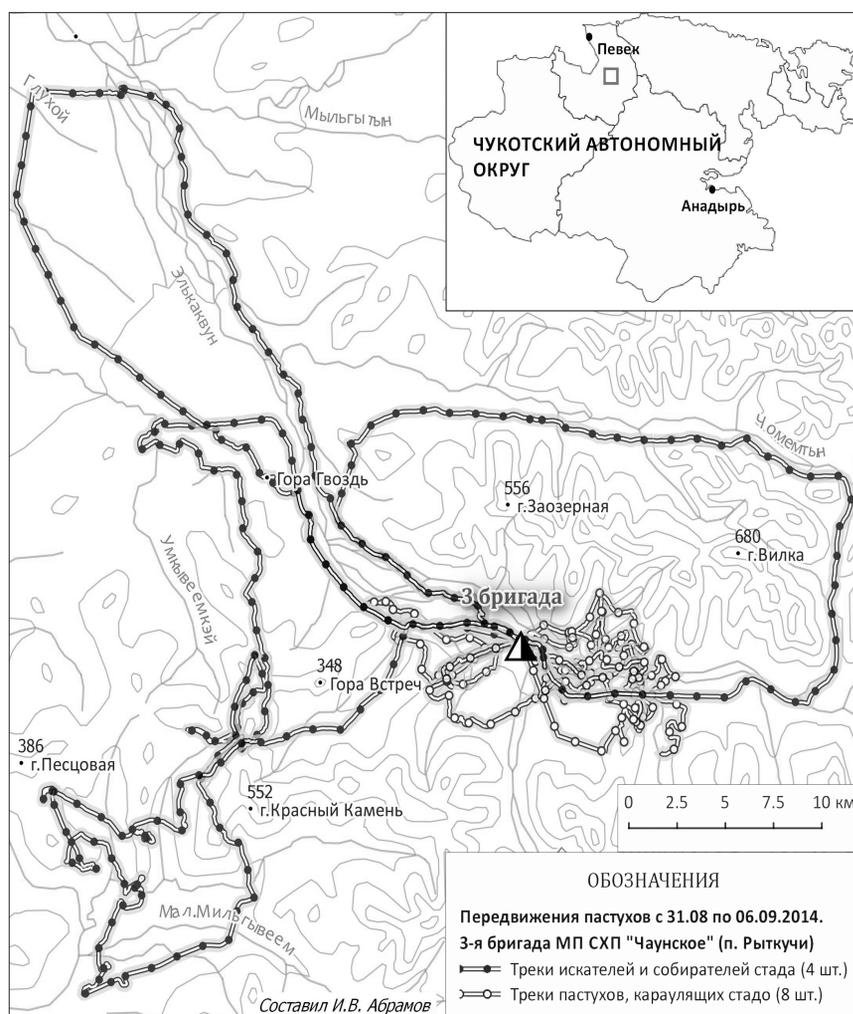

Рис. 1. Треки «искателей» и «пастухов»

далеко. Пешим маневром отделить дикарей от домашних удастся крайне редко (однажды у меня это случайно получилось, и с той поры Антылин преподносит этот случай как большую удачу). Преследование убегающего «куска» ведется на вездеходе, от вида и рева которого дикари вырываются вперед, а домашние отстают. В этот момент нужно вклинуться между дикими и домашними оленями, разделяя их криками, махами и бросанием палок. Однако среди домашнего «куска» часто находятся преданные самки, которые упорно следуют за дикарями и разворачивают стадо. Тогда в ход идет карабин, и дикарь становится жертвой собственной красоты и силы.

Участник нашей экспедиции Денис Куканов по возвращении из вездеходной поездки, намочивший под дождем и впечатленный встречей с медведями, высказался о собирающих оленей чукчах: «Они как на войне». Действо это и впрямь сродни мобилизации. Чем

больше деталей этого грандиозного сценария я узнавал, тем яснее понимал, что молодые пастухи не решаются принимать самостоятельных решений из-за того, что только Антылин держит в голове всю сеть параллельных и последовательных связей и действий по подгону основного стада к ярангам, соединению «кусков», распределению пастухов на держателей, искателей и загонщиков, траектории движения вездехода, квадроцикла, пешеходов, «дикарей», а также ритма стойбища с его женскими приготовлениями. Только ему введома комбинация ходов, когда, глядя вслед убегающему за перевал «куску», он произносит: «Пусть бегут, куда бы они ни спрятались, мы их найдем». Все участники гонки почти слепо следуют его указаниям, при этом ворча на его занудство (в ограничении «чаевок»), дотошность (в попутном сборе дров) и жесткость (в бросках пастухов с собаками). Из разных действий по его воле образуется

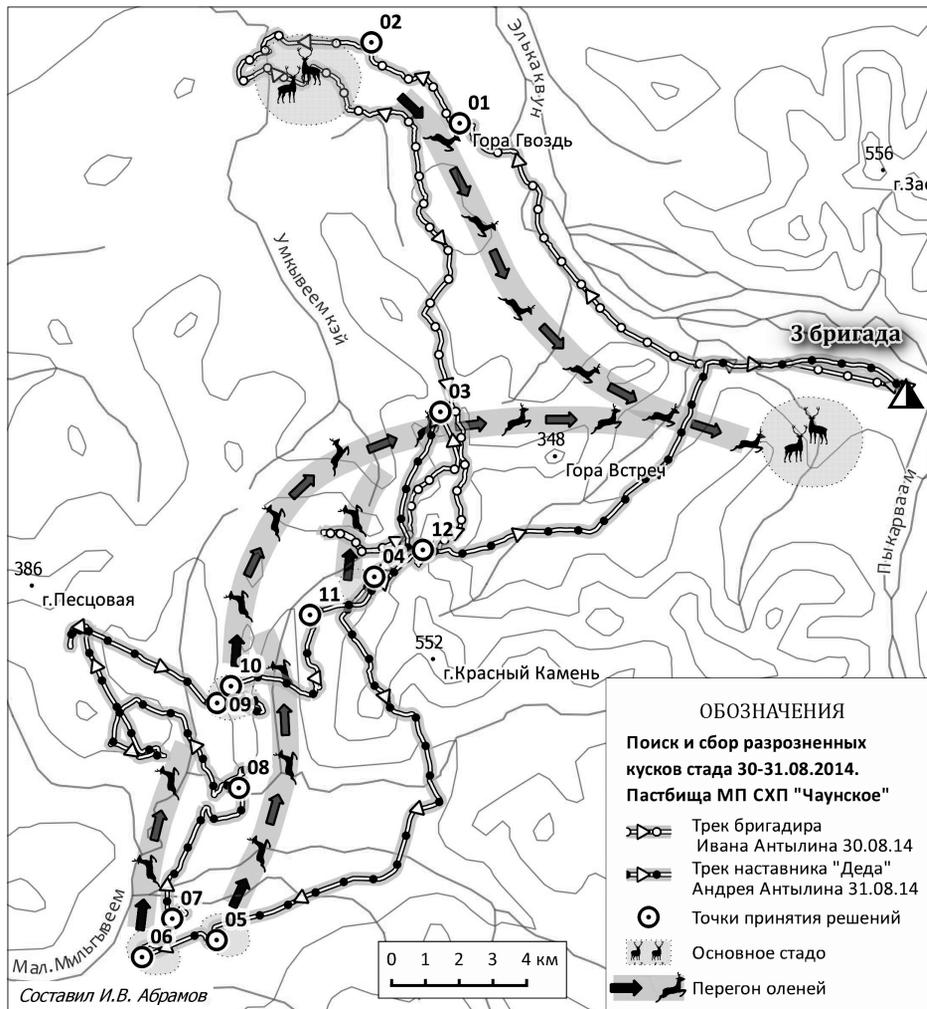

Рис. 2. Эпизод сбора «кусков» стада

Характеристика действия: 01 – обзор основного стада; 02 – совещание пастухов, объезд стада; 03 – ночевка, встреча бригадира с наставником; 04–06, 09, 10 – сбор и отгон куска стада; 07–08 – отстрел дикаря в стаде; 11 – совещание пастухов; 12 – ремонт квадроцикла

слаженная картина движения, представление о которой дают gps-треки (см. рис. 1–3).⁹ Гадая, чем при этом мотивирован сам Антылин, я находил единственный ответ – вечной тундровой игрой людей и оленей, в которой есть и риск маневра, и азарт соперничества, и сладость власти, и стратегия победы.

В ходе двухдневной гонки я заметил удивительную способность пастухов быстро чередовать состояния крайнего напряжения и расслабления. Пастух, только что несшийся с собакой за стадом оленей, забирается в кузов вездехода и мигом засыпает, но при очередном крике Антылина моментально вскакивает и выполняет его команду.

⁹ Об авторской методике записи ПКД (путь-карта-действие) см.: Головин А. В. Кочевье, путешествие и нео-номадизм // Урал. ист. вестн. 2014. № 4(45). С. 133–138.

Нечто сходное я заметил в поведении пастухов, держащих стадо. Подгоняя оленей, они двигаются быстро, а останавливаясь, умудряются наскоро поспать – сон в стаде короткий и чуток. Это в августе, когда ночные заморозки сокращают ночлег, а дневное солнце дает шанс прилечь на теплую кочку. Зимой на морозе ритм учащается: пастух согревается, бегая за оленями, а, разогретый, падает на снег и спит, пока не замерзнет; затем, вскочив от холода, он снова гоняет оленей и согревается; и так весь день – то бежит, то спит.

По чукотской традиции, мужчина согревается не огнем очага, а собственным движением. Он восстанавливает силы мгновенным расслаблением-сном. Искусство чередовать напряжение и расслабление в ритмах и аритмии кочевой жизни представляется одной

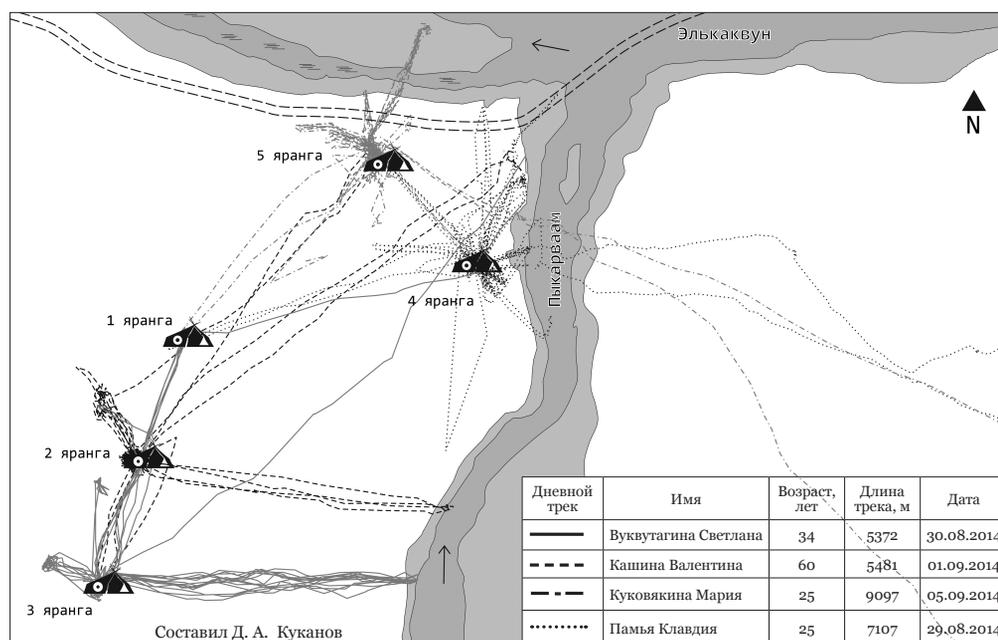

Рис. 3. Движение женщин на стойбище

из замечательных технологий арктического номадизма. К такого рода психо-технологиям я бы отнес и искусство долгого ожидания, обозначаемое в чукотской традиции метафорой «спина длинной становится». Наконец, — и это особенно заметно в бригаде Антылина, — динамичным кочевникам свойственна не только пластичная адаптивность, но и цепкость в восприятии новаций, благодаря которой, на-

пример, оленеводы «очукотили» заимствованную ими конструкцию палатки в качестве зимнего кочевого жилища и выработали собственную модель механизированного выпаса оленей. В кочевой круговорот встраиваются новые вещи: вездеход участвует в празднике молодого оленя, снегоход тянет нарты на перекочевке, бинокль сокращает пространство и расширяет горизонт кочевника.

Andrei V. Golovnev

Member of the RAS

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

CHUKOTKA DIARY: REFLECTION ON MOTION

According to Chukchi tradition, a man should warm himself by his own motion rather than by hearth. He recovers his strength by means of momentary relax-sleep. The skill of alteration of tension and relaxation, quick action and quick sleep, in the rhythms and arrhythmia of nomadic life seems to be one of remarkable technologies of Arctic nomads. Chukchi walk and run as everyday practice and a kind of competition provides mobility of reindeer herders. Chukchi “reindeer rhythms” correlates with a complex strategy of movement proceeded from nomadic leaders. Author’s field observations uncover features of Chukchi reindeer-herders mobility.

Key words: *Chukchi, Arctic, mobility, migration, nomadism, movement, run*

REFERENCES

- Baboshina O. E. *Skazki Chukotki* [Tales of Chukotka]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1958, 262 p. (in Russ.).
- Bogoraz V. G. *Materialnaya kultura chukchey* [The material culture of the Chukchi]. Moscow: Nauka Publ., 1991, 222 p. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural'skiy istoriceski vestnik), 2014, № 4(45), pp. 133–138. (in Russ.).
- Lebedev V. V., Simchenko Yu. B. *Achayvayamskaya vesna* [Achayvayamskaya spring]. Moscow: Mysl Publ., 1983, 144 p. (in Russ.).